

«Это верхушки между собой играют в крестики-нолики, а смерти никого не интересуют»

12 сентября 2023

«Там было всё. Наша свадьба с мужем, видеозаписи, фотографии, где наш сын ещё маленький», — расстраивается жительница Новой Таволжанки. Её дом был разрушен во время обстрелов. Она и другие жители села просят ввести в Новой Таволжанке режим ЧС, чтобы их переселили, но разрушенное жилье продолжают восстанавливать под обстрелами. Как живут люди, оставшиеся без дома, и что они теперь думают о происходящем — в материале журналистов [«7x7»](#) и «Новой вкладки».

Село Новая Таволжанка находится в Шебекинском округе Белгородской области недалеко от границы с Украиной, в нём живут около 5000 человек. Жители Шебекина [начали](#) требовать от властей ввести режим ЧС ещё 1 июня — в это время город и окрестности подвергались обстрелам больше всего. Эти обращения губернатор Вячеслав Гладков в комментариях на своей странице во «ВКонтакте» проигнорировал. Ранее, в апреле 2023 года, режим ЧС [просили](#) ввести жители приграничных шебекинских сёл. Тогда губернатор им тоже отказал, ответив, что такой необходимости нет.

Жители улицы Песчаной в Новой Таволжанке 15 августа [записали](#)

видеообращение к Владимиру Путину с требованием ввести режим ЧС в их селе. В этом случае людей должны [эвакуировать](#) в новое жильё — временное или постоянное — в безопасных местах или выплатить им компенсации за утраченное имущество, ранения и гибель родственников. Кроме того, сельчане могут получить жилищные сертификаты на строительство домов в безопасных местах. На момент публикации этого материала режим ЧС в Шебекинском округе так и не ввели. За полтора года войны в Украине, по подсчётам «7х7», в Новой Таволжанке в результате обстрелов [погибли](#) четыре человека.

«Люди ждали, что они как ни в чём не бывало вернутся домой»

— Все боятся к нам ехать, хотя мы всех усердно обзваниваем. Сегодня с утра был прилёт, сильный обстрел, люди не пострадали, но кровли снова посекло, — вздыхает 48-летняя жительница Новой Таволжанки Татьяна (*имя изменено. — Прим. ред.*), рассказывая, как к ним в августе снова не пришли строители, чтобы делать крышу.

Татьяна жила в Новой Таволжанке вместе с мужем и отцом, они до последнего не хотели уезжать из дома, но вечером 31 мая семья передумала. Через несколько дней после этого в их дом, по её словам, попал снаряд «Града». Татьяна рассказывает, что они испугались, когда в селе начали отключать связь:

— Было страшно, особенно на фоне того, что все нас успокаивали — мол, никто к нам не зайдёт. Связь стали отключать периодически, не на всё время. Например, её могло не быть с восьми утра и до четырёх дня, либо её не было ночью. Это страшнее всего, когда ночью ты не можешь даже в «112» позвонить. То же самое было перед тем, как ДРГ зашла в Грайворон.

По [информации](#) губернатора Вячеслава Гладкова, 22 мая 2023 года украинская диверсионно-разведывательная группа (ДРГ) зашла на территорию Грайворонского округа. В Белгородской области объявили режим контртеррористической операции, который был снят на следующий день. По данным главы округа, [пострадало](#) около 500 строений, один мужчина [был убит](#), а во время эвакуации жителей скончалась пенсионерка. После обстрелов в конце мая — начале июня в Новой Таволжанке столкнулись российские военные и диверсионные группы «Русского добровольческого

корпуса» (РДК). Участники РДК 5 июня [заявили](#), что якобы полностью контролируют Новую Таволжанку. Гладков [подтвердил](#) попытку захода ДРГ в село, но заверил, что российские военные «их остановили». На следующий день он [сказал](#), что бойцов РДК в Белгородской области нет. В Новую Таволжанку губернатор и его подчинённые [приехали](#) 7 июня — спустя неделю после эвакуации населения, обстрелов и боёв с диверсантами.

Татьяна вспоминает, что 3 июня она работала в огороде: был канун Троицы, и она хотела «привести всё в порядок». Обстрелы продолжались пятые сутки подряд, но они её не пугали. В последнее время их семья даже перестала спускаться в такие периоды в подвал. В тот день Татьяне позвонила знакомая и сказала срочно уезжать из Таволжанки (женщина не уточняет, где работает знакомая, но говорит, что после 24 февраля 2022 года многие жители успели обзавестись знакомыми «среди военных, ФСБ и госструктур». — Прим. ред.).

По словам Татьяны, они не воспринимали опасность всерьёз, потому что их уже много раз «пугали эвакуацией». Её отцу 83 года, он говорил, что останется дома, даже если семья уедет, а Татьяна не хотела оставлять его одного: отец глухой. Покинуть дом они решили, только когда он согласился на отъезд, но вещей почти не взяли: думали, что на следующий день вернутся.

— Я позвонила своим родственникам, которые живут с нами в селе, чтобы предупредить их, но они только пальцем у виска покрутили. Никто не думал, что что-то может произойти и это затянется, — вспоминает Татьяна.

Семья остановилась в Белгороде в квартире сына Татьяны, который переехал в другой город. Той же ночью начался обстрел Шебекинского округа. У дома Татьяны в Новой Таволжанке работала видеокамера, всё происходящее они видели онлайн, было страшно.

Горящая Новая Таволжанка. В селе повреждено и уничтожено более 650 зданий³

Видео: из личного архива

— Первый же прилёт пришёлся по лесу, в котором стояли наши ребята [российские военные]. Мы видели, как они убегали, видели, что среди них были жертвы, — рассказывает Татьяна.

По её словам, организованной эвакуации в тот день не было, поэтому людям

пришлось уезжать самостоятельно. Позднее власти и волонтеры начали вывозить шебекинцев на бронев автомобилях.

— Люди просто побежали, многие доехали до Разумного (*посёлок в Белгородском районе. — Прим. ред.*), остановились у торгового центра и просто ждали, что атаку отобьют и они как ни в чём не бывало вернутся домой. Потом, когда все поняли, что это быстро не закончится, люди были в шоке, что теперь им нужно либо ехать в пункт временного размещения либо искать квартиру, — рассказывает Татьяна.

Они с мужем вернулись домой на следующий день, чтобы забрать лекарства для отца. Въезд в Новую Таволжанку был закрыт, но они проехали через поля, минуя блокпосты.

— Когда мы заехали в село, будто попали в страшный сон. Была такая гнетущая тишина, везде чёрный дым от горящих домов и треск огня. Весь асфальт был в выбоинах из-за осколков снарядов, а мы неслись на огромной скорости, чтобы не стать мишенью, — вспоминает Татьяна.

Они взяли лекарства и вещи на первое время, а спустя несколько дней Татьяне позвонила соседка.

— Она с семьёй приехала собрать вещи, в этот момент к ним в машину забежал молодой пацан, контуженный. Он кричал, просил увезти его куда-нибудь. Когда они начали отъезжать от дома, приземлился снаряд, она позвонила мне и просто начала плакать. Не могла ничего объяснить, просто плакала, но я догадалась, что что-то случилось с нашими домами.

Пострадавший от обстрела дом на улице Волчанской

Татьяне было страшно, но они с мужем снова вернулись, чтобы проверить дом. Тогда в нём пострадали только окна, их они быстро закрыли изнутри поликарбонатом, пока над ними «летал коптер». Потом боевые действия [начались](#) в самом селе:

— Мы не думали, что бои дошли до нас, но потом узнали, что танки ехали прямо по нашей улице, а они [украинцы] сбивали их как мишени. Один БТР сгорел в начале нашей улицы, а второй — в конце. Прилёты были по всему селу, и тогда кто-то написал в общем чате, что горит наш дом.

После этого они с мужем несколько раз пытались попасть домой, но, не доехав, разворачивались и уезжали:

— Было страшно, потому что мы уже ехали как по передовой. Здесь БТР дымится, там воронки везде, стекло, свист перебитой газовой трубы. Мы словно попали в фильм ужасов.

Когда они добрались до своей улицы, их дома уже не было: в него попал

снаряд «Града».

— Везде кирпичи лежат, обломки шифера, и только розочки мои цветут. Они были все засыпаны обломками, но не сгорели. Я тогда посмотрела на них и подумала: «Цветут мои красавицы, моя радость, живые», — вспоминает Татьяна.

Ей кажется, она до сих пор чувствует запах гари и сажи. Больше всего Татьяна жалеет, что сгорели все фотоальбомы и компьютер с семейным архивом:

— Там было всё. Наша свадьба с мужем, видеозаписи, фотографии, где наш сын ещё маленький. Больше нет этой памяти. Где-то у знакомых что-то осталось, будем пытаться заново собрать.

После увиденного она была в шоке и много гуляла по Белгороду, чтобы «опомниться». А потом стала выяснять, как получить компенсацию за потерянный дом и имущество. Но, по её словам, «власти даже не признали, что там были боевые действия».

Остатки дома пришлось снести, восстанавливать там было нечего. Здание начали строить заново, но Татьяна переживает, что стройку могут остановить из-за обстрелов. По её словам, рабочих не хватает, бригады из Белгорода боятся ехать в обстреливаемое приграничное село, особенно после гибели одного из строителей. Чиновники обещают достроить дом к 1 декабря, но она боится, что не успеют.

— А как быть с мебелью? Её у нас просто нет, всё сгорело. И никто ничего не говорит, будут её покупать или нет. Я даже боюсь думать об этом. Вот сейчас мы просто зайдём в голый дом, и как это будет? — спрашивает Татьяна.

Восстанавливать дома в Шебекинском округе [начали](#) в середине июня. В конце июня там заработал оперштаб, который занимается этими вопросами. В него вошли представители Министерства ЖКХ, Фонда содействия реформированию ЖКХ, органов местной власти и других ведомств. Штаб работает в здании администрации Шебекинского горокруга. До этого в округе заработала спецкомиссия, которая фиксировала повреждения имущества из-за обстрелов. По словам жителей, после работы спецкомиссии в Новой Таволжанке для каждой улицы определили прораба. Владельцы домов могут связываться с ним, чтобы в том числе согласовать

перепланировку.

Дома, владельцы которых хотят добиться введения в Таволжанке режима ЧС, по словам Татьяны, не сносят, но и не ремонтируют. Она рассказала, что в село начинают возвращаться люди, снова заработали магазины и аптека.

— Лекарства есть, продукты есть, нет только уверенности в завтрашнем дне, — констатирует Татьяна.

Пока закрыты детский сад, школа и больница, в которой Татьяна работала врачом. В школьный подвал, по её словам, «прилетело» ещё весной, здание почти сразу отремонтировали, но 1 сентября дети из Новой Таволжанки встречали [дистанционно](#). Татьяна временно устроилась в одну из белгородских поликлиник и надеется как можно скорее вернуться к прежней работе. Она рассказала, что в конце мая, когда жителям Новой Таволжанки пришли СМС об опасности ракетного обстрела, всех пациентов сельской больницы срочно выписали. До этого момента, несмотря на обстрелы, белгородцев продолжали отправлять туда на реабилитацию.

— Рано или поздно больница заработает. У нас там совсем новое оборудование, мы постоянно проходим повышение квалификации. Многие люди хоть и боятся, но возвращаются, а если в селе заработают больница, школа, детский сад, то сразу больше людей вернётся. Мы уже привыкли с этим жить, — говорит Татьяна.

Сгоревшая машина в Новой Таволжанке. По рассказам местных жителей, после захода украинской ДРГ на улицах села горели не только гражданские машины, но и военная техника

В одном из прямых эфиров губернатор Белгородской области Вячеслав Гладков говорил, что люди должны возвращаться в Шебекино и Новую Таволжанку, потому что обратное будет значить, что «враг победил». Этим он объяснял и отказ вводить ЧС. Татьяна согласна с главой региона.

— Гладков правильно сказал, что это будет восприниматься как то, что мы испугались и убежали. Все говорят, что Шебекино не склоняется *(согласно литературным нормам русского языка, названия населённых пунктов, оканчивающиеся на -о, нужно склонять. — Прим. ред.)*, и мы тоже не склоняемся. Они [украинцы] будут выставлять нас как картинку и говорить: «Вот мы их запугали, они ушли». А мы-то на самом деле не ушли. Мы всё это время жили, оставались, сопротивлялись. Там наша память, бабушки, дедушки, на территории села целых три кладбища, не одно. Как их оставить? Кому? Чтобы их просто разрушили там или чтобы они радовались, что у нас всё так плохо? — спрашивает Татьяна.

Она считает, что её пожилой отец не сможет привыкнуть к новой жизни

в Белгороде. Боится, что их дом могут снова разрушить во время обстрела, но говорит, что выхода у них нет: старикам сложно уезжать из родных сёл, где они прожили всю жизнь. Сама она тоже чувствует себя чужой вне села и не думает, что сможет начать всё заново в другом месте:

— Это всё родное. И мне всё жалко. Мне жалко мой дом, мою беседку, мою клумбу, потому что всё делалось своими силами. Мы во многом себе отказывали, чтобы создать свой маленький кусочек радости.

«Всем наплевать, что нам негде и не на что жить»

Жительница Новой Таволжанки Екатерина (*имя героини изменено. — Прим. ред.*) считает везением, что они с сыном остались живы: за несколько часов до обстрела 31 мая 2023 года они покинули село, поехали в гости к её подруге.

— Уехала в одном платье и сандалиях, ребёнок тоже в одной майке и шортиках. Уехала — и в эту же ночь случился обстрел. Возвращаться было некуда. Подруга нас приютила, спасибо ей. А я без вещей, без денег. Это было ужасно на самом деле. Там остались мои собаки. Естественно, мы все рыдали. Это мне ещё повезло: многие в ночь выезжали между «Градами», — рассказывает Екатерина.

Екатерина говорит, что село подвергалось обстрелам с самого начала войны, но весной и летом 2022 года прилёты приходились в основном не жилые окраины. Губернатор Белгородской области Вячеслав Гладков о первом обстреле Новой Таволжанки [сообщил](#) 29 ноября 2022 года. После этого посты о прилётах и разрушениях в селе стали появляться в его Telegram-канале как минимум раз в неделю. Более серьёзные обстрелы села начались 31 мая 2023 года и продолжались несколько дней. С 1 по 5 июня, по [информации](#) Вячеслава Гладкова, ВСУ обстреляли Таволжанку минимум 489 раз (журналисты «Новой вкладки» посчитали количество обстрелов по ежедневным сводкам в Telegram-канале губернатора. — Прим. ред.).

По словам Екатерины, её соседу осколки от снарядов попадали на участок и раньше — во время обстрелов других целей. В июне она две недели жила у дальних родственников на даче под Белгородом. На заднем сидении её машины лежит бронежилет — подарок от российских военных, которым

она доставляла гуманитарную помощь. Её она надевала, когда прилёты снарядов были слышны совсем рядом. О разрушении своего дома Екатерина узнала от военных, которые проезжали по селу:

— Мина взорвалась прямо перед домом, другая — сразу за домом. У меня повреждены окна, задняя дверь, крыша — решето. Это ещё, знаете, повезло: через три участка от меня дом сгорел полностью. Напротив люди строили новый дом — в него прилетела ракета с вертолёт, а во время, где жили, пока строили, прилетел хвостовичок этот от ракеты. Дома сейчас нет: его снесли и начали делать новый.

Сейчас Екатерина с сыном живёт у своих родителей в Шебекино и через день ездит в Таволжанку кормить собаку: одного из трёх своих псов она оставила дома, чтобы отпугивать мародёров. Те уже проникали в дом Екатерины, но ничего ценного не нашли: деньги и драгоценности хозяйка увезла к родителям ещё в апреле, потому что боялась, что в дом может прилететь снаряд. Но сама с сыном оставалась жить там.

Снимать жильё, по словам Екатерины, ей не на что: мужа у неё нет, сына-школьника она воспитывает одна. Единоразовые выплаты в 10 и 50 тыс. руб. она получила в середине августа — с шестой попытки. Их не хватит, чтобы компенсировать утраченное при разрушении дома. Она, как и другие жители села, хочет, чтобы в Новой Таволжанке ввели режим ЧС и переселили людей в другое жильё. В восстановлении домов Екатерина не видит смысла. Говорит, это просто «отмывание денег», потому что всё потом снова уничтожается, при этом строителям приходится работать под миномётным обстрелом.

По [данным](#) Вячеслава Гладкова на 18 июля, в Новой Таволжанке повреждены 659 зданий, в том числе 650 жилых домов, из них девять — многоквартирные. В 44 домах на тот момент [велись](#) восстановительные работы. Гладков 16 августа [отчитался](#), что в 293 домах в Таволжанке строители отремонтировали крыши и вставили окна. Всего в Шебекинском округе, по данным его главы Владимира Жданова, [повреждены](#) более 2000 квартир и домов.

— У меня нет мыслей в голове, уже обида какая-то. Наверное, это невыгодно. Дешевле выделить какие-то миллионы, чтобы нам окна вставили кое-как, чем выделить нам жильё такого же уровня. Я думаю, это финансовый вопрос. И конечно, [власти] просто не хотят, чтобы где-то были серые зоны. Проще

сказать, что у нас всё классно и под контролем, чем признать ошибки, проигрыш, что у нас военные стоят за домами. Никто не хочет это признавать. Гладков к нам через день приезжает, но он только всех успокаивает, обещает всё восстановить, а толку-то? Люди как гибнут, так они и гибнут, — констатирует Екатерина.

При обстреле Новой Таволжанки 15 августа [погиб](#) строитель, вставлявший окна в одном из повреждённых домов. Хозяйка жилья получила ранения. В тот день в село [приехал](#) глава Шебекинского округа Владимир Жданов, [получивший](#) в июне орден Мужества от Владимира Путина. Он пообещал жителям ускорить темпы восстановления жилья на улице Песчаной, где пострадали более 100 домов. Видеообращение таволжанцев с просьбой о введении режима ЧС Жданов никак не прокомментировал.

Видео из хутора Староселье. Именно там, по словам местных жителей, погиб один из строителей, восстанавливавший дома в селе

Видео: из личного архива

— Состояние просто уничтоженное: столько ночей не спать, столько скитаться без средств к существованию. Это я могу у родителей жить, а на моей улице пенсионеры занимают деньги, чтобы снимать какую-то маломальскую хатку в Белгороде. И никто это не компенсирует, — расстраивается Екатерина.

В записи видеообращения к Путину в августе она не участвовала, так как не знала об этом. Но говорит, что она и другие жители села готовы публиковать новые обращения к региональным и федеральным властям:

— Думаю, ещё парочка таких видосов — и у властей не будет выбора [они введут режим ЧС]. Мы готовы всей улицей выстроиться, рассказать всё как есть, а не так, как говорят по телевизору. Как тут у нас «всё хорошо и прекрасно, давайте не допускать серых зон, мы вам всё восстановим». Ничего этого нет. И безопасности нет. Никто нам её не организует. Они говорят возвращаться, а ответственности за это не несут. Не предоставили нам броневик, бронекapsулу, бронежилет — езжайте и живите. Я подъезжаю к своему дому, а через 60 метров летит мина и взрывается. Вот две секунды — и меня могло бы не быть. И кто за это ответит?

Екатерина всё ещё поддерживает российских военных, но говорит, что она и многие другие жители Таволжанки разочаровались в «спецоперации»

и государстве, потому что региональные власти игнорируют их просьбы о переселении: «Мы — это Россия. А всем наплевать, что нам негде и не на что жить».

На момент беседы журналиста «Новой вкладки» с Екатериной её дом ещё не начали восстанавливать. Она говорит, что подрядчики работают «почеловечески», но боится за качество строительных материалов, потому что считает, что власти выделяют на них мало денег. По словам Екатерины, жители постоянно поднимают вопрос о переселении, но чиновники делают вид, что проблемы нет.

Вячеслав Гладков со своими подчинёнными 31 августа [встретился](#) с жителями Новой Таволжанки. По его словам, в селе в это время велись работы, но не на всех объектах. Главный вопрос сельчан к властям, по словам Гладкова, — сроки завершения начавшихся работ, а не переселение в безопасное место и введение режима ЧС.

Ответы Екатерины похожи на разорванную цепочку, в которой потерялась часть звеньев. Она рассказывает, как получила бронежилет в качестве подарка от российских военных за гуманитарную помощь, и расстраивается, что война продолжается; как увезла из дома драгоценности и деньги из-за обстрелов, но сама с сыном осталась там; переживает, что в день их отъезда дома остались собаки, а потом забирает только двух из них, чтобы третья охраняла жильё.

Хозяева этого дома уехали из села за несколько дней до того, как в него попал боевой снаряд

Фото: из личного архива

Екатерина не понимает, зачем эта «спецоперация», но считает, что обстрелы в Таволжанке продолжаются, потому что Россия воюет «не на полную силу»:

— Большинство из нас уже не понимает, что происходит. Если воевать — почему не пустить туда ракету? Это верхушки между собой играют в крестики-нолики. А страдают мирные люди, военные, но эти смерти никого не интересуют. Эти смерти неоправданные, никому не нужные. Если бы мы хотели победить, мы бы победили ещё 24 февраля, пустив пару ядерных ракет. Ну, хочется прекратить [военные действия], но не с поражением, естественно.

«У нас же нет войны, всё отлично»

Житель Новой Таволжанки Игорь (*имя изменено. — Прим. ред.*) говорит, что «он не против Гладкова», но считает, что губернатор нарушил Конституцию, когда не ввёл в селе режим ЧС. Игорь уехал из села в начале июня, а через несколько дней его дом был разрушен: «В него два раза попали из вертолётa. У соседей то же самое. Все удары пришлись по одной линии, они били по ней, и на каждой улице в этом направлении сгорели дома».

Раньше Игорь хотел бороться за отселение жителей из обстреливаемого села. Но потом согласился на восстановление дома, поставив белгородским чиновникам условие: этим будут заниматься подрядчики, которых он нанял лично. Говорит, если дом снова разрушат, значит, будут строить заново. Сам он из-за этого не переживает, потому что сейчас там не живёт, а возвращаться в Новую Таволжанку планирует, только когда там станет безопасно.

Разбившиеся стёкла и дыры в заборах — такие повреждения остаются из-за осколков снарядов, которые разлетаются во время обстрелов

Фото: из личного архива

К работе подрядчиков, чьими услугами пользуется Белгородская область, Игорь относится скептически. По его словам, они якобы получают оплату только после полного восстановления домов, из-за этого у рабочих нет мотивации работать хорошо. Об этом он узнал от подрядчиков. Игорь считает, что у многих жителей дома в итоге стали хуже, чем были. Кроме того, по его мнению, за те деньги, которые выделяет регион, хорошее качество получить сложно.

По словам Игоря, за переселение людей из Таволжанки активно выступали более двадцати человек, однако сейчас их осталось меньше, потому что шебекинцев «додавливают власти» и вынуждают соглашаться на восстановление домов.

— Альтернативы никакой для них нет. Альтернатива такая: либо вы сейчас соглашаетесь, либо потом когда-нибудь вы, может быть, что-нибудь получите или просто деньги получите — и вам ничего не достанется, — объясняет Игорь.

При этом некоторые жители могут не увидеть свои новые дома даже к зиме, потому что их участки находятся близко к границе, практически в зоне боевых действий, куда не могут зайти строители.

Игорь обращался в региональный Минстрой с просьбой выплатить

компенсацию за утраченное жильё, однако прошло уже больше 30 дней, а никакого, даже формального, ответа он не получил, как и другие сельчане. По его словам, люди пишут в разные инстанции и собираются судиться, но он сомневается, что удастся чего-то добиться, потому что в законодательстве много «дыр».

— У нас же нет войны, ничего нет. Шебекино, Белгород, Таволжанка — всё отлично. В Москве так точно. Всё прекрасно, поэтому никто ничего не меняет и не будет этого делать, — саркастично резюмирует Игорь.

В августе губернатор Вячеслав Гладков [сообщил](#), что на оплату труда строителей, восстанавливающих Шебекино и Новую Таволжанку, пришлось взять кредит. Всего на их работу, по его словам, на тот момент требовалось 900 млн руб. Работы начались даже на улицах у границы с Украиной — Волчанской, Песчаной и Заречной. Они больше всех пострадали от боевых действий во время захода ДРГ и обстрелов. Работы там приостановили после того, как погиб строитель.

Пострадавший от обстрела дом на улице Волчанской

Фото: из личного архива

«Новой вкладке» удалось пообщаться с установщиком окон и дверей, работающим в Новой Таволжанке. Сергей с другими рабочими 30 июля привёз в село окна для ремонта дома № 36 на улице Волчанской. За пять минут, пока они выгружали их из машины, три миномётных снаряда 80-го калибра прилетели на соседний участок — во двор дома № 37. Если бы прилёты пришлись не на двор, говорит Сергей, рабочих бы посеколо осколками. В Таволжанке Сергей с коллегами начали работать 15 июля — спустя полтора месяца после эвакуации жителей из села.

— Работать страшновато. Жить на Волчанской невозможно — там летит бесконечно. Разбит каждый дом, ни одного целого: кровля, заборы, стеклопакеты. Там каждодневные прилёты, — вспоминает Сергей.

Если не сделать хотя бы тепловой контур — стены, окна и крыши, дома продолжают разрушаться из-за погоды, и тогда, говорит он, восстанавливать будет уже нечего. Он согласен, что работать на ближайших к границе улицах сейчас нет смысла, но остальное жильё, по его мнению, нужно спасать, потому что у многих жителей нет денег на аренду.

В то же время он не понимает, почему власти не объявляют режим ЧС и не переселяют людей из Новой Таволжанки. По его мнению, это неправильно, потому что «там очень опасно и жить, и работать»:

— Если в Новой Таволжанке жить невозможно, то на Волчанскую даже на 10 минут зайти нереально. Местные говорят, что там каждый день десятки прилётов. Не представляю, как там можно жить. Сейчас там нет света. Люди там живут только те, кому государство не помогает и у которых нет вообще никаких вариантов. Они сидят в своих домах без света и не знают, куда им идти: то ли на улицу, то ли сидеть в этом доме между минами. Живут между прилётами и ждут, когда к ним прилетит.

Сергей считает, что Новую Таволжанку можно восстановить до конца сентября, и заверяет, что качество домов будет даже лучше, чем было. На оплату работ он не жалуется, а жалобы жителей списывает на их «моральное состояние»:

— Новости о погибших добавляют страха. Свист мин, взрывы, прилёты — всё это добавляет страха. Ну а что делать — мы всё равно будем работать. Тут

уже вопрос не в зарботке, а в том, что нужно до осени закрыть тепловой контур, чтобы в домах было тепло тем, кто всё-таки решил вернуться. Надо это сделать, чтобы как-то помочь людям.